Автор: Admin2
06.11.2013 08:55 - Обновлено 06.10.2018 20:12

Источник - http://www.mk.ru/social/article/2012/06/11/713693-strah-i-nenavist-v-rossii.html

Власть знает, что мы трусы, и пользуется этим

«Ходишь на протестные акции?» – спросила я знакомого студента. «От меня ничего не зависит». Говорю о гражданской позиции. А в ответ: «Друг у меня сходил – ему омоновцы ребро сломали». В метро встретилась с приятельницей. «Сними», – ткнула пальцем в белую ленту у меня на груди. «Но это же не запрещенная символика». «А зачем рисковать?»

Мы боимся.

Боимся автозаков, полицейских, бандитов, судов, боимся за неосторожное высказывание потерять работу, боимся чиновников, бандитов в галстуках, черных джипов, которым уступаем дорогу. И мы боимся в этом признаться. Мы предпочитаем быть равнодушными, это не так унизительно. И не задаёмся вопросом, почему моя хата всегда с краю? Мы защищаемся безразличием, лукавыми построениями, выворачивая логику, насилуя здравый смысл. А в подоплёке – парализующий страх.

В XIII веке монгольский воин забрёл в мусульманскую деревню, выстроил забавы ради сотню дехкан и, проверяя саблю, методично зарубил. В другом ауле монгол, рассердившись на жителя, велел ему ждать, пока он сходит за саблей, которой его зарубит. И тот покорно стоял, не помышляя о побеге. Современная российская власть сделала ставку на страх, запугивая нас ОМОНом, революцией, убийствами журналистов, Богом, гражданской войной и хаосом.

Почему русский бунт всегда беспощадный и бессмысленный? Это европейцы выходят на улицы, чуть заденут их права. Это они устраивают забастовки, садятся на площади, пикетируют принявший позорные законы парламент, переизбирают президентов. Мы терпим. И только когда пар срывает крышку страха, доведенные до отчаяния, начинаем погром. А может, он – следствие нашей пассивности? Оборотная сторона забитости? Но стоит ли привлекать для объяснения христианские категории смирения и всепрощения?

Великодушие? Долготерпение?

Холоп боится плети, раб – хозяина. А челядь всегда готова ему услужить. На первом месте у нас безопасность и выгода. Иначе чем объяснить массовый «героизм» Поклонной? Верноподданичество автобусной массовки? Холуйство думцев? Похоже, мы храбры лишь на войне, когда нас строят тесными рядами, когда чувствуем локоть соседа, понимая, что не одиноки. Отсутствие индивидуального самосознания, нечувствительность к унижению личного достоинства, отстранённое восприятие происходящего вокруг – это ли не черты русского характера? Но кто подставит нам зеркало, тот неизбежно получит ярлык «либераста», «русофоба» и «оранжиста». В этом и есть национальная гордость великороссов? А может, загадка русской души?
Из года в год мы видим вырождение культуры, деградацию и вымирание народа на одной седьмой части суши и вздыхаем, будто речь идет о далёких африканских племенах. Нашей смелости хватает лишь на тайное голосование, закрытые интернет-опросы и игнорирование выборов, с фальсификацией которых мы давно смирились. И власть, прекрасно осведомлённая, с успехом педалирует страх.

Принят закон о штрафах для митингующих? Меня это не касается! В полицейских участках насилуют? Я туда не попаду! Готовится цензура в Интернете? Ну что ж, перестанут крутить виртуальные фиги! Конечно, лучше жить на коленях, чем умереть стоя. Но не оказывать молчаливого сопротивления? Не противодействовать закабалению даже пассивно? Это выше обычного понимания, тут нужны специалисты по виктимологии (наука о потерпевших, обладающих индивидуальной или групповой способностью стать жертвами преступного деяния) и стокгольмскому синдрому.

Закручивание гаек у нас давно вылилось в полицейский террор. Но разве мы не довольствуемся сублимацией, просматривая вечерние сериалы, где за униженных и оскорблённых заступается голливудский герой? Конечно, никто не даст гарантий, что, получив дубинкой, снова выйдет на улицу. Но опасаться заранее? Быть премудрым пескарём? Выставлять это как разумную предосторожность? Смеяться над теми, кто встал над собой? Может, никуда и не уходила немытая Россия, страна господ, страна рабов? И сегодня в ней опять всё держится на страхе.

А, может, и неплохо? Может, её, как студень, нужно подморозить? Но кого боятся жулики и воры? Смотрящего? «Крышу»? Коррумпированных судов?
А обыватели боятся всего и вся. И их намеренно стращают заказными убийствами, кущевками, сбитыми пешеходами, за смерть которых никто не несёт ответственность. И уже никто не воспринимает как безумие назначение полпредом человека,

предлагавшего на танке раздавить своих соотечественников. Все чувствуют сигнал сверху, все боятся. Как боялись при Грозном, пятьдесят лет сажавшем на кол, молившемся о безвинно казнённых, когда уставал от зверств, и сошедшем с ума от вседозволенности.

Неофеодалы, возродившие «вертикаль» власти, нашедшие идеологическую опору в церковном обрядоверии, исторически опираются на крепостничество, имея духовным прототипом царскую Россию. Они строят гигантские дворцы, вступая в должность, разыгрывают богопомазание, переименовывают улицы в честь своих предтечей. Возродив триаду «чиновники, полицейские, попы», власть сама ответила на вопрос: кому на Руси жить хорошо? А народ забит, замордован, загнан. Торжествует право сильного, рулят реальные пацаны, которые своих не сдают, а остальным прописывают порцию дубинала. Ведь воровская психология давно открыла, что возмущаться может только свободный, что опущенный не поднимется, раздавленный не встанет, а обреченный быть шнырём скорее умрёт, чем взбунтуется.

«Есть люди длинной воли, с чувством собственного достоинства, верные долгу, – учил Чингис-хан. – И есть остальные, которых можно топтать, как степную траву». Это ли не основной закон Российской Федерации, какая еще конституция?

Безусловно, в этой системе страха есть много чего еще. Ещё кремлёвская пропаганда, тотальная ложь в СМИ, есть натасканные мастера гламура и дискурса. Они строят лабиринты кривых зеркал, прививая шизофрению, доказывают, что чёрное – белое, свобода – рабство, а мёртвый – живой. Нас методично уверяют, что всё, исходящее снизу, может привести только к развалу, что любые протестные действия будут иметь необратимые последствия, а статус-кво – это лучшее из худшего.

Но чего бы стоили все призывы сидеть дома, если бы не отвечали нашему потаённому страху? В сущности, они лишь его рационализация, в глубине мы сами рады обмануться. Психологически гораздо удобнее видеть оранжевую чуму и агентов семнадцати разведок, чем собственную трусость. Мы готовы согласиться с упреком в душевной лени, конформизме, традиционной разобщённости, мещанстве, тупом безразличии, но «трусость» нас оскорбляет. Не потому ли, что попадает в десятку?

«Мы вас завтра повесим!» «Веревки свои приносить, или выделит профсоюз?»

Елизавета АЛЕКСАНДРОВА-ЗОРИНА

писатель и публицист